

лагает национальный театр, оттого зрители невероятно ему благодарны. В отличие от подавляющего большинства национальных коллективов на территории бывшего Союза, удмуртскому практически не приходится затрачивать усилий, чтобы привлечь своих зрителей в зал: они идут сами. Отсюда еще один парадокс, чем полнее зал, чем настойчивей работает в театр публика, тем хуже оказываются спектакли. Чем больше открывается доверчивый зритель театральной культуре, тем откровенней его обманывают, подсовывая предвкушению случайную, безвкусную, плохо приготовленную.

Завлиту театра Е. Загребину можно было бы простить его бездействие в формировании полноценного репертуара, если бы его собственные пьесы были приемлемы. Но увя! Последняя премьера «Не бросай меня, милый» обескураживает. Дело даже не в том, что пьеса беспомощна — тяжеловесная, многословная, композиционно неустоянная. Дело в каком-то поразительном отношении к персонажам, а следова-

Парадокс

о зрителе

тельно, к зрителям, а следовательно, к актерам. Все герои (действие происходит в современной удмуртской деревне) выглядят нелюдями, монстрами, одномерными и неглубокими. В сущности, это примитивные маски, у которых нет характера и между которыми нет общения. Пытаюсь противопоставить убогую жизнь сельчан их мечтаньям, автор придумывает для них коллективный сон-мечту, но в этом сне и в мечтах своих они не менее убоги. Люди приехали бог вест из какой дали, чтобы увидеть спектакль про себя, про свою жизнь, люди, повторю, необычайно симпатичные в своей доверчивости, а им подсовывают кризис зеркало-аттракцион, в котором все уродливо, пошло, вульгарно. Почему? Ради чего?

Зрители пока растерянно смеются, пока вежливо аплодируют, но не могут не чувствовать неуважения к себе. Они уходят разочарованными. Другим же иногда примитивность подюда бьет, конечно же, актерам: они терпят квалификацию, теряют профессию. И когда случается вдруг, по воле случая, получить настоящие роли (в пьесе Юджина О'Нила «Любовь под вязами», например), уже не могут существовать иначе как одномерно, поверхностно. Хотя в труппе немало способных и даже талантливых людей.

Конечно, фестиваль в Ижевске всколыхнет дремотную жизнь Удмуртского театра. Зрители увидят совсем другие спектакли. Жаль только, что не придется им побывать в роли зрителей некоторых приезжающих театров на родине этих театров. Никогда не забуду маленький финский город Тампере, где много лет работает Рабочий театр. Неуместно, разумеется, сравнивать его материальные и технические возможности с возможностями Ижевска, но отношение и зрителям сравнивать можно. В Рабочий театр тоже съезжались жители окрестных селений и тоже издалека. В фойе их встречала нарядная Хозяйка театра (специальная должность), музыканты играли народную музыку, и актеры — участники спектакля «из народной жизни» — пели и танцевали вместе со зрителями, легко и привычно входящими в эту общую игру. В буфете ждали заранее заказанные и накрытые столики. Не говорю уже о том, что есть специальное помещение, где можно переобуться, привести себя в порядок.

Скажете, пустые мечты? Пусть мечты, но, во-первых, не такие убогие, как в спектакле «Не бросай меня, милый». А во-вторых, не такие уж и пустые, если обратиться к опыту не только еуррофицистскому, но и к российскому. К самарскому, например, где зрителей любят не меньше, чем в Тампере и стареются создать для них атмосферу праздника всеми доступными театру средствами.

Сегодня, когда начинается движение зрителей навстречу театру, как важно не обмануть его, не оттолкнуть. Ни тем, что происходит на сцене, ни той самой вешалкой и буфетом, где он толчется в очереди. Ни отсутствием махих-либо знаков энимания, показывающих, что его здесь ждут.

Ирина МЯГКОВА.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В СТОРОНЕ

В КОНЦЕ марта в столице Удмуртии Ижевске состоится театральный фестиваль. Участники его говорят на языках, принадлежащих угро-финской группе; это финны, эстонцы, венгры, марийцы, карелы, мордва, коми-пермяки и коми-зыряне, ханты, манси. Вместе с молодым и симпатичным театральным критиком нас послали в Удмуртский государственный драматический театр выбрать вместе с хозяевами спектакль для фестиваля.

Первое знакомство с театром произошло столь тягостно и впечатлений (неуютное казенное помещение в одном доме с министерствами и ведомствами, вход ниже уровня мостовой и совсем не влекущая, необнадеживающая афиша, а главное, неуверенность, что кому-то наш приезд здесь нужен), что мой молодой коллега сразу же запросился домой. Однако воспрям и остался, столкнувшись с неким парадоксом, едва ли свойственным какому-либо другому городу. Парадокс этот — не об актёре, о зрителе.

В Удмуртский театр люди едут в мороз и слякоть из дальних деревень (в самом Ижевске процент коренного населения небольшой), на собственных автобусах. Едут со стариками и детьми, как прежде ехали на ярмарку. И в дорогом театральном буфете щедро гуляют и в больших пластиковых пакетах везут гостинцы домой, как прежде с ярмарки. Зал полон. Пожилые женщины в цветастых платках, мужчины в шапках и маперезес, дети (преимущественно девочки — рыженькие, с темными острыми глазами, в веснушках, косичках и огромных бантах). Все ведет себя степенно. Ни пьяных, ни шума в зале. Реакция — живая, простодушная. Очень любят посмеяться.

Приходят и приезжают — не «на артистов», а на свое, родное — язык и авторов. Жаждают пищи, какую и пред-